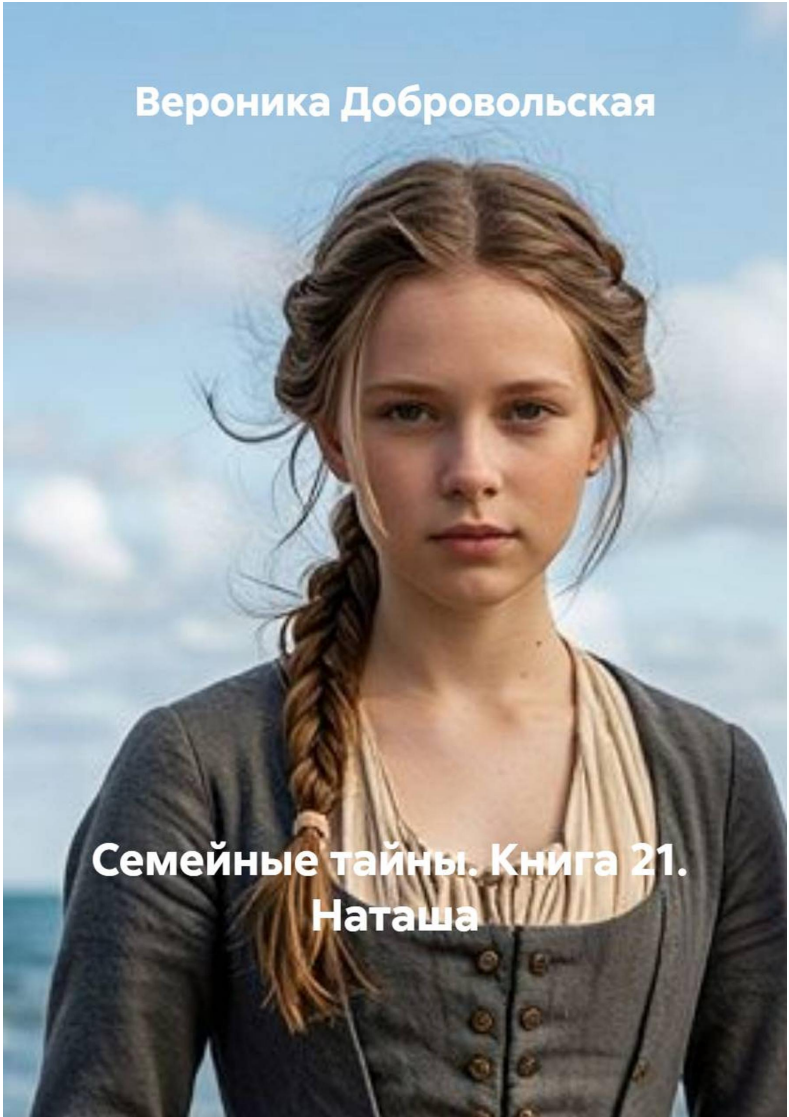

Вероника Добровольская
Семейные тайны. Книга 21.
Наташа

Вероника Добровольская

Семейные тайны. Книга 21. Наташа

https://litres.ru/74717704
SelfPub; 2026

Аннотация

Наташа племянница Сергея. В 1756 году, вся семья девочки бесследно исчезла.

1971 году в Танзании одной девушке передают старинную шкатулку, хранящая давно забытой историю. А спустя ещё полвека, в 2017 году, морской берег подарил мальчику послание в бутылке – ещё один осколок мозаики, разбросанной по времени.

Какие шокирующие тайны скрывают они? Сможет ли кто-то, наконец, распутать тугой узел тайн, которые, словно нить судьбы, тянется сквозь века, связывая прошлое с настоящим? В 2024 году Ашли Чаборти, сам не желая, вновь распутывает семейные тайны.

Вероника Добровольская
Семейные тайны.
Книга 21. Наташа

2024 год июль. Россия.

Санкт Петербург.

Солнце стояло уже высоко, и июльское марево дрожало над проспектами, будто город дышал жаром. В машине пахло кофе, кожей сидений и чуть-чуть - нервной усталостью, которая ещё держалась с прошлой ночи. Но теперь, после того как Савелия вместе с отцом увезли на скорой, а худшее вроде бы миновало, в воздухе появилось что-то новое: не облегчение даже, а какой-то упрямый подъём сил. Будто напряжение, которое столько дней висело над ними, наконец, сорвалось с плеч, и теперь хотелось не сидеть и ждать, а двигаться, делать, собирать по кусочкам то, что рассыпалось.

Ашли по-прежнему сидел с закрытыми глазами, но теперь это был не тяжёлый сон от изнеможения, а скорее пауза, когда человек нарочно закрывает веки, чтобы лучше услышать себя. Время от времени он чуть улыбался - так улыбаются, когда понимают, что самое страшное позади.

Марк уткнулся в телефон, быстро печатал, будто торопил слова, которые никак не хотели складываться ровно. Эдвард смотрел на сына и впервые за долгое время не чувство-

вал привычной тревоги: Марк был собран, сосредоточен, и в этой сосредоточенности было что-то взрослое.

- Ты кому пишешь? - Наконец спросил Эдвард, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, а не как упрёк.

- Другу! - Марк поднял глаза, и в них мелькнула та самая хитрая искорка, от которой у Эдварда всегда одновременно хотелось улыбнуться и вздохнуть. - Хотя… - он чуть наклонил голову, будто примерял слова, - он знает о нашей родственнице племяннице Сергея, Наталье.- В глазах Марка мелькнула хитринка.

- О-о-о, -протянул Фарид с преувеличенным стоном, но в этом стоне уже не было настоящей тяжести, только привычная ворчливая интонация, за которой все знали: он на самом деле рад, что они снова вместе, что все на месте, что можно снова ворчать, потому что есть на кого. - Начинается!

- Слушай, что ты постоянно недоволен? - Ашли приоткрыл один глаз и посмотрел на Фарида с лёгкой насмешливой укоризной. - Всё тебе не так: и что ты родился в этой семье, и что новые родственники находятся. Это мне надо стонать, между прочим. Я тут самый многострадальный.

Фарид усмехнулся, но тут же поморщился, потирая поясницу: - Так мне приходится за всеми приглядывать, а я не молодею. Мне вообще пора на пенсию. Ай, чёрт! - Он снова поморщился, но уже не так горько, будто боль была старой знакомой, которую он сегодня готов был потерпеть.

- Спина? -Тут же отозвался Ашли, уже не шутя.

- Угу, она, родимая. После того покушения покоя не даёт.

- Давай я сяду за руль? - Неожиданно предложил Ашли, выпрямляясь и будто сбрасывая с себя остатки дремоты. - Чего скалишься? - добавил он, заметив улыбку Фарида.

Тот покачал головой:- Не, не надо. Я справлюсь. И хватит скалиться! - Он посмотрел в зеркало заднего вида на улыбающегося Марка. - Ну что, едем к нему?

- Вы только не удивляйтесь, - Марк усмехнулся, явно довольный тем, что смог их удивить. - Он из Танзании.

- Откуда?! - снова хором воскликнули они, и на этот раз смех прорвался сквозь удивление.

- Нам нужно на Невский, в институтское общежитие. - пояснил Марк. - Он мне позавчера звонил, сказал, что приехал, собирался завтра заехать ко мне. Мы как раз хотели полезть посмотреть кабинет…

Машина свернула на Невский, и город будто подхватил их настроение: витрины вспыхивали бликами, трамваи звенели, как колокольчики, а воздух был тёплым и живым.

- О, два идиота великовозрастных, - буркнул Фарид, но в голосе уже не было злости, только привычное ворчание, которое держало их всех вместе. -Ах, да!- Он взял рацию.- Парни отдыхать, вечером в 20.00 жду всех в аэропорту, мы на Невский к общежитию СПбГУ.

- Есть босс!- Раздался голос.

- В общем, я сейчас позвоню ему, узнаю, он в общежитии или нет. - Марк быстро набрал номер. - Абдалла, привет, не

спишь? Слушай, я сейчас приеду… с сюрпризом. Ок! - Он выключил телефон и посмотрел на всех, сияя. - Нам только поесть что-то привезти, а то как-то нехорошо с пустыми руками.

- О, русский до корней волос! -Усмехнулся Фарид.

-Да, Фарид! - Ашли поморщился, но тут же улыбнулся. – Ну, хватит уже ворчать. Правильно парень рассуждает. В гости с утра да с пустыми руками…

- Это Тимофеевич мне сказал, что нехорошо так поступать.

- Ну, если Тимофеевич, то да! - Улыбнулся Ашли, мысленно ворча на всех и одновременно чувствуя, как внутри всё расправляется, будто после долгого напряжения, наконец, можно было выдохнуть и пойти вперёд.

Они заехали в магазин, где пахло корицей и свежим хлебом, набрали всякой снеди: горячие булочки, яблоки, пару шоколадок, готовые завтраки, бутылку газировки и сок. Марк аккуратно сложил всё в пакет, будто это был не просто перекус, а важный реквизит для чего-то большого.

Когда они подъехали к общежитию СПбГУ, Марк первым выскочил из машины, уже на ходу поправляя рюкзак. Остальные выбрались чуть медленнее: Фарид поморщился, разминая спину, но в этот раз не с досадой, а будто проверяя, на что ещё способен; Ашли зевнул, но глаза у него были ясные, без тени прежней усталости; Эдвард просто стоял и смотрел, как сын уверенно шагает вперёд, и в груди у него

теплело от гордости. Фарид огляделся и усмехнулся, взял за локоть Ашли и показал глазами в сторону дороги.

Ашли обернулся и улыбнулся.- Успели! Молодцы! – На другой стороне стояла машина охраны, но там были другие ребята и другая машина, она была чистая и блестела черным хромом

Дверь общежития открылась, и на крыльцо вышел Абдалла.

Он был высоким, но двигался легко, без лишней тяжести, будто привык к долгим переходам по жарким дорогам и знал цену каждому шагу. На нём была простая темно-синяя футболка и джинсы, а на плече висел лёгкий рюкзак, будто он собирался либо только уйти, либо вот-вот вернуться. Кожа у него была тёплого оливкового оттенка, а волосы - тёмные, чуть вьющиеся, будто их вечно трепал ветер.

Но первое, что цепляло взгляд, -его глаза. Они были цвета расплавленного мёда: янтарные, глубокие, с тёплыми золотистыми искорками, которые вспыхивали, когда он улыбался. В них не было настороженности, которую часто можно увидеть у людей, оказавшихся в новом месте; вместо этого в них светилось спокойное любопытство, будто он заранее был готов к любым неожиданностям и относился к ним как к части интересного пути.

-Марк! - Абдалла улыбнулся, и улыбка у него вышла широкой. - А ты не один…

Марк шагнул вперёд, протягивая пакет: - Привезли кое-

чего. Не с пустыми же руками.

Абдалла взял пакет, чуть склонил голову, будто принимая не просто еду, а знак уважения:- Спасибо. Заходите.

Пока они поднимались по лестнице, Фарид тихо хмыкнул: - Парень с виду вежливый. Это редкость.

Ашли только кивнул, разглядывая Абдалла уже внимательнее: в его движениях не было суеты, он шёл уверенно, будто знал этот коридор наизусть, но при этом не торопил остальных, давая им время привыкнуть к новому ритму.

В комнате было просто и аккуратно: кровать, стол с ноутбуком и стопкой книг, на стене - небольшая фотография: саванна на закате, широкая полоса оранжевого неба над высокой травой. Абдалла заметил, куда смотрит Ашли, и чуть улыбнулся:

- Это Серенгети. Я там был ещё ребёнком. Иногда смотрю на это фото и вспоминаю, как всё выглядит, когда горизонт бесконечный.

Марк всех представил, Абдалла пожал всем руки. Марк плюхнулся на стул, кивнул на фото: - Он нам про Танзанию столько всего рассказывал, что я теперь мечтаю туда съездить.

Фарид сел на край кровати - осторожно, будто проверяя, выдержит ли она его вес. Но в его глазах уже не было усталости: только живой, напряжённый интерес.- Значит, ты и есть тот, кто знает про Наталью, племянницу Сергея? - Спросил

он, чуть подавшись вперёд.

Абдалла поставил пакет на стол и принялся раскладывать яблоки, булочки, завтрак - без лишней суеты, размеренно, словно всё шло именно так, как и должно было идти.- Да, - спокойно ответил он. - Только сначала попейте чаю. Чайник ещё тёплый.

В этом жесте, в том, как уверенно и по-хозяйски он всё устроил, чувствовалось что-то надёжное. Абдалла не пытался казаться старше или важнее, не тянул на себя внимание, но сразу становилось ясно: если дело дойдёт до серьёзного разговора, он не растеряется.

Ашли окинул комнату быстрым, оценивающим взглядом - так, будто не просто искал, где переодеться, а считывал каждую деталь: скол на дверце шкафа, тень в углу, едва заметную трещину на стене. Всё это он фиксировал машинально, как человек, привыкший к тому, что любая мелочь однажды может пригодиться.

-Слушайте, а где здесь можно переодеться? - Неожиданно спросил он.

Присутствующие недоумённо переглянулись, лишь теперь заметив пакет в его руках. Как он умудрился прихватить одежду из машины, оставалось загадкой. Фарид лишь усмехнулся - он слишком хорошо знал Ашли: у того всегда был козырь в рукаве, пусть даже такой простой, как сменный комплект вещей.

Абдалла молча, кивнул и открыл дверцу шкафа.

- А, ну понятно! - Ашли скрылся за ней, он быстро стянул строгий костюм - тот самый, в котором ещё час назад выглядел как человек из другого мира: собранный, безупречный, будто сошедший с обложки журнала для деловых людей. Теперь же ткань скользнула с плеч, и он тут же натянул джинсы и длинную белую хлопковую кофту - простую, но сидящую так, будто она была создана специально для его худощавой фигуры. Резинка щёлкнула в пальцах, и белокурые волосы, до этого свободно падавшие на лицо, собрались в аккуратный хвост. Снял ботинки и одел кроссовки. Костюм и туфли он аккуратно сложил в пакет, будто даже ненужная сейчас вещь заслуживала уважительного обращения.

Выйдя, Ашли удовлетворённо вздохнул и сел на стул, будто сбросил не одежду, а целый слой чужой роли.

-А иголки у вас не найдётся? И йода? Заноза донимает, - немного помолчав, спросил он.

Абдалла улыбнулся и, не говоря ни слова, достал из шкафа аптечку, а из ящика стола - игольницу.

Ашли хмыкнул, привычно и ловко обмакнул иголку в йод, вытащил въевшуюся занозу, обработал рану, протёр иглу и вернул всё на место. В этих движениях не было суеты - только точность и спокойная уверенность человека, который не раз делал подобное и не считал это чем-то особенным.

Наконец, блаженно прикрыв глаза, он через секунду открыл их, дотянулся до бутерброда. Осторожно, почти благоговейно взял его двумя руками, вдохнул аромат рыбы и спе-

ций - и откусил. Запил водой и выдохнул:

- Как классно…

И в этот момент он вдруг стал совсем другим. Из денди, безупречно вписавшегося в любой дорогой зал, он превратился в человека, которому куда естественнее сидеть на простом стуле, есть бутерброд и не думать о том, как он выглядит. Худощавая фигура, собранные белокурые волосы, простая белая кофта - теперь он напоминал художника, который только что вернулся с набережной, где писал закат, и которому не хватало лишь мольберта и красок, чтобы окончательно слиться с образом. Но даже без них в нём чувствовалась эта особая свобода - будто, сменив костюм на джинсы, он сбросил не только ткань, а все условности, которые столько лет держал на себе. Фарид хмыкнул, откинулся на спинку стула и, прищурившись, поддел:

- Ну что, теперь ты не бизнесмен, а богемный гений - сейчас начнёшь рассуждать о смысле жизни между укусами бутерброда.

Ашли только улыбнулся, не спеша, откусил ещё кусочек, будто хотел сначала до конца прочувствовать вкус, а уже потом отвечать. Потом отложил бутерброд, чуть встряхнул головой - и в этом движении было что-то мальчишеское, будто он вдруг сбросил ещё несколько лет.- Смысл жизни в бутерброде с рыбой и специями, - спокойно сказал он, и в голосе его звучала та самая лёгкая ирония, которая всегда сбивала с Фарида его шутливый тон. - Проверено. Работает.- Он

поморщился – Хотя, рыба старая, хлеб из дрянной муки, а масло самого низкого качество.

Эдуард закашлялся, когда чуть не подавился, помотал головой, когда сын стал стучать ему по спине.

Фарид расхохотался, успокоившись, он щёлкнул пальцами, подался вперёд:- Слушай, а можешь стихи прочитать? В тему. Ну, про перемены, про то, как сбрасываешь старое.… Или просто что-нибудь, от чего мурашки бегут. Ты же раньше читал, я помню.

Ашли на секунду замер, будто слова Фарида открыли дверь в какое-то тихое, давно запертое место. Он чуть наклонил голову, будто прислушивался не к другу, а к себе, и потом тихо, без пафоса, почти про себя, начал:

Ветер срывает с деревьев листву,

Старая кожа ложится на дно.

Я не клянусь, что я снова живу, -

Просто мне стало дышать легко.
Больше не нужно казаться другим,

Прятать усталость за блеском фраз.

Мир наконец-то стал простым:

Хлеб, и вода, и свет в этот час.
Пусть говорят, что всё это — пустяк,

Что без парада и без наград

Жизнь не бывает по-настоящему яркой
Но я сегодня нашёл свой взгляд.

Он замолчал, не поднимая глаз, будто боялся, что если посмотрит на друзей, то разрушит ту хрупкую тишину, которая повисла в комнате после последних строк.

Фарид даже перестал улыбаться. Он сидел, чуть склонив голову, и смотрел на Ашли так, будто видел его впервые - не как старого приятеля, с которым можно было шутить про костюмы и бутерброды, а как человека, у которого внутри живёт что-то большее, чем все их общие воспоминания.- Это твоё? - тихо спросил он.

Ашли чуть пожал плечами, будто хотел сделать вид, что это неважно: -Да. Давно написал.

Все во все глаза смотрели на него, а Эдуард смотрел на него с лёгким недоумением, потом перевёл взгляд на невозмутимого Абдаллу. Тот, лишь спокойно улыбался, будто привык к такой смене настроений.

Фарид хмыкнул и посмотрел на Абдалла: - Ну, теперь расскажешь?

Абдалла чуть наклонил голову, будто собираясь с мыслями, и тихо произнёс:- Всё началось в августе 2017 года.

В этот момент Марк, до сих пор сидевший чуть в стороне, довольно поёрзал на стуле и чуть прищурился- так, словно удерживал внутри целую лавину историй и не собирался вываливать их все сразу. Он знал много - куда больше, чем казалось по его молчаливой позе, - но сейчас решил придержать это на сладкое: пусть сначала Абдалла расскажет своё, а уж потом настанет его черёд. И в этом терпении чувствовалась не пассивность, а расчётливая собранность человека, который точно знает, когда слово будет весить больше всего.

Эдуард, поймав этот короткий, почти незаметный взгляд Марка, вдруг будто что- то понял - не суть, а сам настрой: здесь собрались не случайные попутчики, у каждого в запасе свой кусок правды, и все они потихоньку складываются в одну картину. Он потянулся к булочке, будто чтобы чем-то занять руки, и тихо, почти про себя, добавил:

- Август… Лето ведь уже на излёте. Самое время для историй, которые меняют всё.

Абдалла кивнул, будто принимая эту негласную договорённость - дать истории развернуться, не перебивая, не торопя.- Да, - сказал он, глядя куда-то чуть мимо всех, словно снова видел тот самый день. - Именно тогда всё и пошло не так, как должно было…

******

15 августа 2017 года Дар-эс-Салам. Танзания

Дар-эс-Салам проснулся под тяжёлым, солёным воздухом

моря - таким густым, что он будто оседал на коже и прилипал к волосам. К полудню солнце уже так выжгло песок, что казалось, что ходишь по горячим углям. Для двенадцатилетнего Абдаллы это был лучший день каникул: мать отпустила его к морю с друзьями, а в сумке лежали лепёшки с кокосовой стружкой и бутылками сока - они должны стать их общим обедом.

Они пришли на берег рано, пока волны ещё были прозрачными и почти ленивыми. Далеко маячили корабли, как бы в лёгкой дымке, лениво кричали чайки. Море шумело рядом, и каждый раз, когда вода откатывалась назад, на песке оставались блестящие полосы, ракушки, обломки древесины, кусочки верёвок - всё то, что море иногда отдаёт людям, а иногда забирает обратно.

Абдалла шёл чуть позади остальных и глядел вниз, как будто искал не камни и не стёклышки, а что-то, чему пока не придумал названия. Он был из тех мальчишек, которые редко кричат громче всех, но всегда замечают то, что другие пропускают. Он вдруг остановился и непонимающе уставился на бутылку - обычную, с наростами моллюсков, она будто приросла к песку. Она словно притянула его.- Смотрите! - Закричал он и поднял над головой её.

Все сбежались к нему. Бутылка была мутная, с зелёным стеклом и коротким горлышком, заткнутым потемневшей пробкой. На боку виднелись какие-то буквы, стёртые солью и временем.

- Наверное, её вынесло с какого-нибудь корабля, - сказал Хасан невысокий парнишка, в одних шортах и шлепанцах. Он вертел находку в руках, рассматривая её. – А может её, выбросил рыбак?- Вдруг предположил он

- Открой! - Тут же предложил младший из компании, Нуру, маленький с черной кудрявой шевелюрой и хитрыми глазами.

Абдалла молча, забрал её у Хасана. Мальчишки окружили Абдаллу и шумно переговаривались, предлагая, как лучше выбить пробку, чтобы ничего не рассыпалось.

- Что вы так шумите? - Раздался знакомый голос.

Все дружно повернулись. По берегу шёл старый учитель истории, господин Мтеми. Он был похож на иссохшую ветку, которая вот-вот сломается: тонкий, жилистый, с кожей, прочерченной морщинами. Но в его глазах по-прежнему горел тот самый внимательный свет, который заставлял даже самых шумных мальчишек притихать.

- Господин Мтеми! - вразнобой закричали мальчишки.- Мы нашли вот это! Мы хотим открыть!

Господин Мтеми взял у них бутылку и прищурился, разглядывая стекло, будто читал в нём не буквы, а целую историю. Он провёл пальцем по боку, где едва угадывались цифры.

-Тут я вижу дату: 1757 год. Значит, тому, что здесь находится уже 260 лет. Стекло за это время стало хрупким, как высохшие листья. Если вы попытаетесь просто выбить проб-

ку, бутылка рассыплется в крошку, и вы потеряете всё, что внутри.

Мальчишки притихли. Разочарование повисло над ними, как тень от тучи, закрывшей солнце.

- А что делать? -Глаза Абдаллы засверкали ожиданием. Он не хотел просто бросить находку обратно в море, как мусор. Он хотел, узнать, что находится внутри.

Господин Мтеми улыбнулся, и его лицо старое и морщинистое озарилось светом.- Есть место, где умеют обращаться с такими вещами. В Дар-эс-Саламе есть Национальный музей Танзании - там есть реставрационная лаборатория. Там работают люди, которые знают, как открыть бутылку, не повредив ни стекло, ни то, что внутри. У них есть специальные инструменты: мягкие зажимы, чтобы держать стекло без давления, ультразвуковые сканеры, чтобы понять, где самые слабые места, и даже маленькие пылесосы с регулируемой тягой, чтобы аккуратно убрать песок и соль, не царапая поверхность.

Хасан нахмурился: - И они просто возьмут и откроют?

-Не просто откроют, - спокойно сказал господин Мтеми. - Они будут работать медленно, как хирурги. Сначала сделают снимки бутылки в разных ракурсах, потом составят план: с какой стороны лучше подступиться, как снять налёт, как ослабить пробку, не ломая горлышка. Иногда на один такой предмет уходят недели. Но зато потом можно прочитать письмо, увидеть, кто его написал, откуда оно пришло… и,

возможно, узнать историю, которую море хранило столько лет.

Нуру вздохнул, будто ему было жаль ждать так долго:- А нельзя просто чуть-чуть поддеть?

Господин Мтеми посмотрел на него строго: - Нельзя. Представь, что эта бутылка- как старая книга, страницы которой склеились от воды. Если ты потянешь за край, страница порвётся. А если ты будешь терпеливым, ты сможешь прочитать каждое слово.

Абдалла кивнул, будто эти слова легли прямо в самое сердце. Он осторожно взял бутылку, но теперь держал её не как игрушку, а как что-то очень хрупкое и важное. - Я отнесу её туда, - тихо сказал он. - Я сам.

Господин Мтеми чуть склонил голову, словно принимая это решение:

- Хорошо. Я знаю одного человека в лаборатории - доктора Кашамбу. Он любит такие находки. Он скажет, что делать дальше. Но помни: терпение — это тоже умение. Иногда самое важное происходит не в одну секунду, а в долгие, тихие часы, когда ты просто ждёшь и смотришь.

Мальчики больше двух часов слушали учителя, а потом все дружно проводили его до дома, а потом вернулись уже к вечеру домой.

*****

Абдалла летел домой. Дом стоял в районе Остербай - не в

самом центре, но и не на окраине, где узкие улочки теряются в пыли. Это было аккуратное одноэтажное жилище с широкой верандой и крышей из рифлёного металла, покрашенной в спокойный серо-зелёный цвет. Вокруг росли высокие пальмы и кусты бугенвиллеи: их ярко-розовые цветы будто вспыхивали на фоне белой штукатурки.

У ворот стоял белый седан- ухоженный, с чистыми дисками, без единой царапины и трещины на стеклах. Для Дар-эс-Салама это был явный признак достатка: позволить себе машину и содержать её в идеальном порядке могли немногие. По утрам за руль всегда садился отец. Голубоглазый, со светло-оливковой кожей, которая иногда удивляла Абдаллу, отец воспринимал автомобиль не просто как средство передвижения, а как часть своей ответственности - вовремя отвезти маму на работу, успеть на встречу, забрать сына из школы.

Отец Абдаллы, Рашид, работал в логистической компании на портовой линии. В Дар-эс-Саламе порт -это сердце города: через него идут контейнеры, грузы, товары для всей страны и дальше, вглубь континента. Рашид был менеджером по операциям: он следил за тем, чтобы грузы не застревали, документы были в порядке, а сроки не срывались. Работа нервная, но хорошо оплачиваемая: в порту ценят тех, кто умеет держать всё под контролем и говорить на трёх языках сразу - суахили, английском и ещё на паре местных диалектов. Иногда к нему обращались как к посреднику: -Рашид, помоги разобраться, и он помогал, потому что знал лю-

дей, знал маршруты, знал, где можно ускорить, а где лучше подождать.

Внутри дом был устроен так, чтобы в нём было спокойно даже в самую жаркую пору. Толстые стены не пропускали дневной зной, а окна выходили на север и восток - так солнце не било прямо в комнаты. В гостиной стоял большой диван с узорчатыми подушками, на стене висели фотографии: бабушка и дедушка, свадьба родителей, маленький Абдалла на фоне моря. На полке - несколько книг на суахили и английском: отец любил читать новости и статьи о судоходстве, а мама - романы и кулинарные книги.

Кухня была сердцем дома. Здесь всегда пахло чем-то тёплым: специями, свежим хлебом, иногда - кокосовым молоком. Мама, Амина, работала редактором в небольшом издательстве, которое выпускало учебники и художественную литературу на суахили. Она часто брала работу домой, раскладывала листы на столе и тихо что-то помечала карандашом. Когда Абдалла приходил из школы, она поднимала голову, улыбалась и говорила: «Расскажи, что было сегодня». И он рассказывал - про уроки, про друзей, про то, как на перемене все бегали к забору смотреть на грузовики, которые ехали в сторону порта.

В комнате Абдаллы было просто, но уютно. Кровать, стол у окна, полка с книгами и моделями кораблей- он собирал их из наборов, склеивал, раскрашивал, а потом ставил так, чтобы казалось, будто они плывут по воображаемому морю. На

стене висела карта Африки и Индийского океана, и Абдалла часто смотрел на неё, водя пальцем по линиям маршрутов. Веранда была местом, где семья собиралась по вечерам. Сюда выносили стулья, ставили миску с жареными орешками и чашки с чаем. Отец рассказывал про порт, про корабли, которые приходили из дальних стран, про грузы, которые надо успеть разгрузить до шторма. Мама смеялась над его историями, но слушала внимательно. А Абдалла сидел, поджав ноги, и впитывал каждое слово, потому что в этих рассказах мир становился большим, но не страшным - он становился понятным.

Бутылка осталась у учителя. Мать непонимающе смотрела на сына, который без лишних просьб съел ужин и улегся спать. Она проверила, не заболел ли он. Она села рядом и её прохладная ладонь опустилась на лоб.- Да, не надо мам!- Абдалла не выдержал и сидя в кровати рассказал о находке, что завтра он пойдет в национальный музей. Амина покачала головой и посмотрела на заглянувшего в спальню мужа.- Отвезешь?

- Ну, если так обязательно отвезу!- Улыбнулся он.

*****

Национальный музей в Дар-эс-Саламе стоял в тени высоких деревьев, будто сам хотел спрятаться от палящего солнца. Для Абдаллы это место всегда было особенным: здесь пахло старой бумагой, деревом и чем- то ещё, чем пахнет тишина, в которой живут вещи, пережившие века.

Господин Мтеми шёл рядом, не торопясь, и время от времени кивал знакомым.

- Сюда,- тихо сказал он, когда они свернули в длинный коридор с приглушённым светом. - Лаборатория здесь.

Дверь была неприметной, с табличкой на английском и суахили. Господин Мтеми постучал, и изнутри раздался голос: -Войдите!

Комната оказалась не такой, какой Абдалла себе представлял. Он думал, что лаборатория - это про колбы и бурлящие жидкости, как в кино. Но здесь было тихо, чисто и очень аккуратно. На столах стояли микроскопы, рядом лежали тонкие инструменты, похожие на хирургические, а в стеклянных боксах лежали предметы: потемневшие монеты, осколки керамики, куски дерева, будто собранные из тысячи кусочков.

У одного из столов стоял высокий мужчина в белом халате. У него были внимательные глаза и спокойные руки, которые будто заранее знали, как прикоснуться к любой вещи так, чтобы не навредить.

- Доктор Кашамбу, -кивнул господин Мтеми. - У нас есть находка.

Доктор Кашамбу улыбнулся, но улыбка у него была не весёлой, а сосредоточенной - как у человека, который рад новой задаче. -Показывайте.

Абдалла осторожно протянул бутылку, будто боялся, что она рассыплется прямо у него в руках. Доктор Кашамбу взял

её не спеша, поднёс к свету и долго смотрел, поворачивая так и этак. -Да, - наконец сказал он. - Стекло старое. Соль въелась в поры, и теперь оно хрупкое, как высохшая кора. Если просто выбить пробку, мы потеряем и бутылку, и письмо.

Абдалла сглотнул. Ему вдруг стало страшно, что он зря принёс её сюда, что всё испортит.

- Не бойся, - спокойно сказал доктор Кашамбу, будто прочитал его мысли. - Мы не будем ничего ломать. У нас есть план. Сейчас я расскажу, как мы будем работать. Шаг за шагом.

Он поставил бутылку в прозрачный бокс и включил над ним лампу с мягким светом.

- Шаг первый: фиксация. Мы сделаем серию фотографий и снимков под микроскопом, чтобы точно знать, где трещины, где налёт, где самое слабое место. Это нужно, чтобы понимать, как к ней подступиться.

-Шаг второй: стабилизация. Мы обработаем стекло специальным составом, который укрепит его на время работы. Это как повязка на рану - не лечит полностью, но не даёт стать хуже.

-Шаг третий: очистка пробки. Пробка потемнела и слиплась с горлышком. Мы будем убирать налёт очень аккуратно, с помощью тонкой струи воздуха и мягких растворов. Никаких острых предметов.

- Шаг четвёртый: извлечение содержимого. Когда пробка

станет подвижной, мы снимем её, но не резко, а миллиметр за миллиметром. И сразу подставим лоток, чтобы ничего не упало. Если внутри письмо, оно может быть очень хрупким - его нельзя трогать руками. Мы используем пинцеты с мягкими наконечниками и, если нужно, вакуумную трубку с очень слабым всасыванием.

- Шаг пятый: консервация. Как только мы достанем письмо, стекло обработают составом, который замедлит старение. А само письмо пойдёт к другому специалисту - он будет увлажнять его, выравнивать и укреплять волокна бумаги.

Абдалла слушал, и с каждым словом страх уходил, а вместо него приходило любопытство. Это было не волшебство. Это была работа, где терпение и точность ценились выше силы.

-А можно… я посмотрю? - Тихо спросил он.

Доктор Кашамбу чуть наклонил голову, будто взвешивал просьбу. - Можно. Но только через стекло бокса. И только когда мы будем готовы. Ты можешь приходить каждый день, если хочешь. Иногда работа идёт медленно. Но именно в этом и есть интерес: видеть, как вещь раскрывает свою историю.

Абдалла кивнул, не в силах сказать больше ни слова. Он вдруг понял, что эта бутылка - не просто находка. Это приглашение: стать тем, кто умеет слушать прошлое.

Господин Мтеми положил ему руку на плечо:- Видишь? Иногда самое важное - это не скорость, а внимание. И люди,

которые знают, как с этим вниманием работать.

А ночью Абдалла проснулся от мысли , что надо заплатить , так как это наверно дорого , но у него была копилка в которой было много денег.

******

Национальный музей в Дар-эс-Саламе жил своей особой, неторопливой жизнью. Здесь не торопились, потому что знали: самые важные вещи приходят не вовремя, а тогда, когда готовы. В коридорах пахло старой бумагой и воском, которым натирали деревянные панели, а в реставрационной лаборатории всегда было чуть прохладнее, чем в остальных залах -так берегли хрупкие вещи.

Абдалла стоял у стойки администратора, сжимая в кармане бумажный свёрток. В нём лежали все его деньги: которые бабушка дарила на день рождения, на Рамадан, на Уразу-байрам - каждую он пересчитывал, когда никто не видел, и складывал в своего слона, голова которого открывалась. Он не знал, сколько это в долларах, но знал, что это всё, что у него есть.

- Я хочу заплатить, - тихо сказал он, выкладывая свёрток на стойку. - За то, чтобы они… чтобы они помогли с бутылкой.

Администратор, молодая женщина в очках, посмотрела на деньги, потом на Абдаллу, потом чуть наклонила голову, будто пыталась понять, шутит он или нет.

- Это много?- спросил Абдалла, чувствуя, как краснеют

уши. - Этого хватит, чтобы доктор Кашамбу посмотрел?

Она не стала смеяться. Просто аккуратно пододвинула свёрток обратно.

-Знаешь, - сказала она мягко, - в музеях и лабораториях не берут деньги с ребят, которые приносят историю. Особенно если эта история сама пришла к ним из моря.

Абдалла хотел возразить, сказать, что он копил, что это важно, что он хочет быть полезным, но слова застряли в горле.

-Но если хочешь помочь, - добавила она, улыбнувшись, - можешь приходить и помогать по мелочи. Приносить чай доктору Кашамбу, протирать витрины, записывать номера экспонатов. У нас как раз не хватает помощника на полдня по субботам.

И тогда Абдалла кивнул, и в этом кивке было столько гордости, будто ему доверили не протирать стекло, а хранить саму память.

А в лаборатории доктор Кашамбу уже ждал. Бутылка стояла в боксе, прозрачная, будто вымытая временем. Он посмотрел на Абдаллу и сказал:

- Мы сделаем это не ради денег. Мы сделаем это потому, что письмо ждало двести шестьдесят лет. Оно заслужило, чтобы его услышали.

Он не стал обещать, что всё получится. Не стал говорить, что буквы обязательно проступят. Он просто показал, как они будут работать: сначала снимут микрофотографии, по-

том посмотрят под разными лампами - не чтобы «прочитать», а чтобы увидеть хоть тень чернил, хоть намёк на строчку.

- Иногда достаточно одного слова,- сказал он. - Одного имени. Чтобы всё остальное начало складываться.

И когда они начали, Абдалла понял: это не услуга, которую покупают. Это труд, который делают вместе. И его вклад - не купюры в свёртке, а его внимание, его терпение, его готовность сидеть и смотреть, как прошлое медленно, по миллиметру, выходит из темноты.

В тот вечер он вернулся домой и положил свёрток обратно в копилку.

******

25 сентября 2017 года,

понедельник. Танзания Дар-эс-Салама

Утро выдалось необычно прохладным для Дар-эс-Салама - будто город затаил дыхание перед чем-то важным. Абдалла сидел в машине отца, пристёгнутый ремнём, но всё равно ёрзал, будто сиденье жгло. Он смотрел на телефон, который лежал на коленях экраном вверх, и каждый раз, когда тот вибрировал от сообщения, сердце подпрыгивало.

-Спокойно, - тихо сказал отец, не отрывая взгляда от дороги. - Если доктор Кашамбу сказал «приезжайте», значит, всё получилось. Ты столько ждал. Теперь дай себе минуту просто доехать.

Абдалла кивнул, но не смог сдержать улыбку. Ему каза-

лось, что даже воздух в машине стал другим - гуще, насыщеннее, будто в нём плавали крупицы истории, которые вот-вот осядут и станут понятными.

В холле музея пахло старой бумагой и антисептиком. Доктор Кашамбу ждал их у входа, в белом халате, с той самой спокойной улыбкой, которая сразу снимала любое напряжение.

- Всё готово, мой мальчик, - сказал он, чуть наклонив голову. - Идём.

Он провёл их по знакомому коридору, мимо стеклянных витрин, мимо реставрационных боксов, где теперь стояла та самая бутылка - уже без пробки, чистая, прозрачная, будто помолодевшая на двести лет. Но Абдалле было не до неё. Его тянуло к столу, где лежал лист бумаги.

Доктор усадил его на стул, пододвинул лист. На нём аккуратным, разборчивым почерком было переведено письмо - на суахили, но рядом лежал и оригинал, в специальной плёнке, чтобы не повредить хрупкие волокна.

- Мы перевели его, - спокойно сказал доктор Кашамбу. - И сделали запрос в Санкт-Петербург. Там подтвердили: Наталья Каретникова - Закржевская, 13 лет. Плыла с семьёй на английском корабле «Быстрый». Возле берегов Танзании судно попало в шторм и пошло ко дну.

21 апреля 1757 года

Остров близ восточного побережья Африки

Его Ясновельможности Пану Якубу Закржевскому

Речь Посполитая, *Гданьск, замок Пана Закржевского*

(Или Российская Империя, Санкт-Петербург, дом на Милионной.)

Да будет сие письмо доставлено волей Божией и усердием добрых людей.

Милостивый государь, любезный дядя мой!

Если Вы читаете эти строки, значит, море смилостивилось и вернуло мне послание, подобно тому, как оно порой выбрасывает на берег щепки и обломки, не ведая, что в них – чья-то жизнь.

Пишу Вам дрожащей рукой. Пальцы мои озябли, а чернила, что я развожу водой из дождевых луж, текут неровно, и буквы пляшут, словно в лихорадке. Простите мне эту небрежность. Здесь, на острове, нет ни чернильницы, ни пера, достойного Вашего дома, ни слуги, который подал бы мне чистый лист. Есть лишь бутылка, найденная среди обломков, да обрывок бумаги, чудом уцелевший в сундуке матушки.

Матушка боялась, что нас найдут из-за наших долгов. Батюшка задолжал всему Петербургу. Мы продали наш дом, и всё золото матушка потратила на билеты. Она сказала, что надо бежать. После смерти дедушки с нами могло случиться несчастье. Сережа сбежал с каторги и был у нас. А потом мы семь месяцев бороздили море, иногда при-

ставая к портам.

Мы попали в шторм. Восемнадцатого апреля небо почернело в один миг, будто кто-то накинул на мир тяжёлый плащ. Ветер выл так, что заглушал даже крики, а волны вздымались, как живые чудовища, и били в борта с такой силой, что дерево стонало, как живое. Я помню, как отец кричал, чтобы мы прыгали за борт. Помню, как мать прижимала к себе мою младшую сестру, шептала ей что-то, но слов я не слышала – только вой ветра. Помню, как палуба ушла у меня из-под ног, и вода сомкнулась надо мной, холодная и безжалостная.

Когда я вынырнула, корабля уже почти не было. Теперь я одна. Я нашла своих родных на следующий день и похоронила их.

Остров невелик. Здесь есть родник с пресной водой, и я собираю дождевую . Есть пальмы, и я научилась снимать с них волокна и сплетать из них подобие верёвки. Днём солнце палит так, что кожа горит, а ночью становится зябко, и я укрываюсь куском парусины, который нашла среди обломков. Птицы кричат над скалами, и их крики звучат как чужие голоса, которые я не понимаю.

Я не знаю, сколько дней прошло. Здесь время течёт иначе: оно не делится на часы и минуты, а складывается из восходов и закатов, из приливов и отливов, из мгновений, когда мне кажется, что я слышу вдали шум паруса, и мгновений, когда я понимаю, что это лишь ветер в листве.

Дядя Якуб, если это письмо дойдёт до Вас, умоляю: сообщите в Петербург, что я жива. Пусть знают мои родные, пусть не считают меня погибшей, как считают погибшими всех, кто был на том корабле. И если возможно, пришлите за мной корабль. Я не прошу роскоши, не прошу удобств, лишь спасения. Я хочу

Я стараюсь держаться. Я говорю с собой, чтобы не сойти с ума. Я представляю, как Вы читаете это письмо, как Ваше лицо омрачается, а затем на нем появляется решимость. Я верю в Вас, дядя Якуб. Я верю, что Вы найдете способ помочь мне.

Я каждый день смотрю на горизонт, надеясь увидеть парус. Каждый шорох, каждый отблеск на воде заставляет мое сердце биться быстрее. Но пока лишь бескрайнее море и одинокий остров.

Если это письмо не дойдет до Вас, если судьба будет ко мне столь же жестока, как и в тот день, когда я потеряла всё, то пусть эти строки станут моим последним свидетельством. Пусть они расскажут о моей жизни, о моей семье, о нашей трагедии.

Я молюсь за Вас, за Ваше здоровье и благополучие. Я надеюсь, что Вы будете помнить меня.

С глубочайшим почтением и надеждой,

Ваша племянница,

Наталья Антониевна Каретникова- Закржевская

Абдалла вчитывался в строки, и с каждым словом мир вокруг становился шире. Он видел этот остров, слышал вой ветра, чувствовал, как пальцы Натальи немеют от холода, пока она выводит дрожащие буквы.

- А кто она? - наконец прошептал он, подняв глаза на доктора.- Просто девочка из прошлого?

Доктор Кашамбу чуть склонил голову, будто подбирая слова, которые не испугают и не разочаруют:

- Она - часть истории этого побережья. Иногда прошлое не исчезает. Оно прячется, ждёт, пока кто-нибудь найдёт его и скажет: «Я тебя слышу». Ты его нашёл, Абдалла.

Он ехал домой окрылённый и счастливый, отец посматривал на него в зеркало и улыбался. Сегодня ещё одни сюрприз поджидает его.

В доме витал густой, обволакивающий аромат карамелизированных бананов и пряной корицы. Это был верный знак: бабушка вернулась из Килва-Кисивани. Судя по автомобилю из аэропорта, припаркованному во дворе, она явно сама управляла самолетом -иначе такую скорость и не объяснить.

Запах действовал на мальчика как древнее заклинание. Стоило сладкой, тягучей ноте коснуться ноздрей еще в прихожей, как воля его таяла. Подобно Рокфору из «Чипа и Дейла», который в трансе летел на аромат сыра, он, забыв обо всем, устремлялся на кухню, ведомый этим манящим, согревающим духом.

Бабушка стояла у плиты, окутанная легким облаком пряного пара. Она выглядела так, будто преодолела не тысячи километров, а просто сходила на рынок. На ней было неизменное яркое китанге с золотыми узорами, а седые волосы аккуратно убраны под платок. За столом уже собрались мама, сестры и старший брат.

- Mambo, mjukuu wangu, привет, мой внучок, - улыбнулась она, не оборачиваясь и ловко переворачивая золотистые ломтики на сковороде.

- Бабуль! Ты приехала! - Мальчик уткнулся лицом в её фартук, пахнущий кардамоном и солнцем.

На столе красовалось её главное кулинарное сокровище - мдази. Бабушка замешивала тесто на кокосовом молоке с добавлением кардамона и мускатного ореха, обжаривала его до воздушной хрустящей корочки, а затем щедро поливала горячим соусом из спелых бананов, томленых на топленом масле с тростниковым сахаром, щепоткой морской соли и цейлонской корицей.

Этот десерт вобрал в себя всю историю древнего султаната Килва-Кисивани -перекрестка торговых путей, где африканские традиции веками сплетались с арабскими и индийскими ароматами.

Абдалла отломил кусочек еще горячего мдази, обмакнул его в густую карамель и закрыл глаза. Вкус был невероятным: нежным, сладким, с тонкой пряной горчинкой. В этот момент серый мир за окном перестал существовать. На кух-

не пахло Индийским океаном, теплым ветром и бабушкиной любовью.

-Ты весь светишься, - сказала она, вытирая руки о полотенце. -Рассказывай. Мне уже рассказали о бутылке, что ты нашёл, а сегодня ты узнал, что там написано, я хочу то же узнать. - Улыбнулась она.

- Бабуля! Ты не представляешь , что там написано! – Он вскочил с места и снова обнял бабушку- Поднимая на неё свои медовые глаза светящиеся счастьем.- Я сейчас всё расскажу.

- О! мой великий искатель приключений! – Рассмеялась бабушка, обнимая своего самого любимого внука.

И он рассказал. Про бутылку, про лабораторию, про доктора Кашамбу, про то, как они шаг за шагом открывали стекло, не ломая его, и как потом читали письмо, будто слушали голос из прошлого. Он читал отрывки, стараясь передать каждое слово, каждую паузу, каждый вздох, спрятанный между строк.

Бабушка слушала, не перебивая. Её лицо оставалось спокойным, но в глазах что-то менялось: они становились темнее, глубже, будто в них отражался тот самый шторм. А когда Абдалла дошёл до имени - Наталья Каретникова-Казимежу, -она вдруг побледнела. Чашка, которую она держала, выскользнула из пальцев и разбилась о пол с резким, оглушительным звуком. Бабушка покачнулась и упала, словно из неё разом ушла вся сила.

- Бабушка! - Абдалла бросился к ней, но отец уже подхватил её, уложил на диван, крикнул маме, чтобы принесла воды. В доме вдруг стало шумно и страшно: все говорили одновременно, кто-то звал, кто-то просил тишины, мать протирал лоб бабушки влажной тканью.

Прошло несколько минут, которые показались часами. Наконец бабушка открыла глаза. Она смотрела на всех, будто видела их впервые, и в её взгляде была такая тяжесть, что даже самые громкие голоса стихли.

- Не надо, - тихо сказала она. - Не надо суетиться. Я в порядке. Просто… это имя. Оно как нож, который я носила в сердце много лет и забыла, что он там. Она села, опираясь на руку отца, и посмотрела прямо на Абдаллу.- Наталья - предок моего мужа. Пра-пра-пра… столько раз, что и не сосчитать. В нашей семье есть традиция: каждой женщине после свадьбы вручают маленький сундучок Натальи. И под большим секретом рассказывают, что произошло. Это как клятва: помнить и молчать.

Абдалла смотрел на неё, не понимая, как одно письмо может перевернуть всё.

- Но мне не рассказали, - продолжила бабушка, и голос её дрогнул. - Когда у меня родился сын - твой отец, - он был белокожим, с голубыми глазами. Соседи начали шептаться, родные - смотреть косо. Говорили, что это дурной знак, что в роду нечистая кровь, что нас прокляли.

Отец Абдаллы стоял у стены, сжав кулаки, будто хотел за-

щитить мать даже сейчас, спустя столько лет.

- Пока твоя прабабушка не прекратила это всё, - тихо сказала бабушка. И тогда она рассказала мне правду.

- Мама может тебе отдохнуть?- Спросил отец Абдаллы

Но Дайо покачало головой, и улыбнулась перепуганным внукам и внучке.- Нет, надо сейчас всё рассказать

******

1971 год, Килва-Кисивани. Танзания

Солнце садилось над Индийским океаном, окрашивая воду в густой медовый цвет, будто само море подливало в закат немного мёда. В старом городе пахло солью, жареными орехами и дымом от костров, на которых готовили ужин. Узкие улочки, выложенные камнем, хранили прохладу даже после самого жаркого дня.

Дайо шла по тропинке вдоль берега, босиком, потому что сандалии давно протёрлись, а новые взять было негде. Ей было семнадцать, и в её походке была та лёгкая, почти птичья уверенность, которую даёт юность, когда ты ещё веришь, что мир обязан быть добрым. Дайо была самой обычной девушкой - и в то же время такой, что стоило ей улыбнуться, и казалось, будто над морем расступаются тучи. Её улыбка была лёгкой, как облачко, которое не держится на месте: то чуть коснётся неба, то растворится, то снова появится, и от неё становилось светлее даже в пасмурный день.

У неё были тёмные волосы, которые она заплетала в тугие косы, чтобы солёный ветер не спутывал их в колтуны. Кожа

у Дайо была смуглой, тронутой солнцем и солью, - такой, какая бывает у тех, кто с детства ходит босиком по горячему песку и не боится, что ноги станут шершавыми. В глазах всегда пряталась искорка любопытства: ей хотелось знать, куда уходят лодки на закате, почему звёзды висят не так, как вчера, и что шепчет море, когда никто не слушает.

Когда ей было больно или плохо, Дайо пела. Не громко, не напоказ, а тихо, будто делилась тайной с волнами. Голос у неё был чистый, тонкий, он разлетался над морем, словно ветерок, и смешивался с шумом прибоя так, что становилось непонятно, поёт ли это девушка или само море нашёптывает песню. Иногда бабушка, сидя на крыльце, слушала и улыбалась, а иногда вытирала слезу краем платка и говорила: -Ты поёшь так, будто знаешь, что мир всё равно хороший, даже когда ему тяжело.

В школу Дайо не ходила, хотя очень хотела. Она помнила, как в детстве смотрела на других детей, которые шли по улице с книгами в холщовых сумках, и сердце у неё сжималось от желания быть с ними. Бабушка пыталась собрать денег на обучение: продавала вязаные платки, откладывала каждую лишнюю монету, просила помощи у дальних родственников. Но жизнь в Килве была непростой, и каждый раз оказывалось, что деньги нужны на что-то более срочное - на лекарства, на новую крышу, на еду. И тогда бабушка обнимала Дайо и шептала: -Прости, моя хорошая. В другой раз обязательно.

Но Дайо всё равно научилась читать и писать. Не по школьным учебникам, а по обрывкам старых газет, которые приносил рыбак Али, любивший поболтать о новостях из далёких городов. По потрёпанной книжке стихов на суахили, которую кто-то оставил в лодке, а Дайо подобрала, будто это был подарок судьбы. По надписям на ящиках в порту, где буквы складывались в слова, а слова - в целые истории.

Она писала на песке палочкой, пока волны не смывали буквы, и запоминала, как они выглядят. Выводила буквы углём на внутренней стороне крышки старого сундука, а потом стирала тряпкой. И когда ей удавалось найти чистый листок - хоть клочок от упаковки, хоть вырванную страницу из чьего-то блокнота, - она берегла его, как сокровище, и писала на нём всё, что успевала придумать: короткие строчки о море, о звёздах, о том, как пахнет дождь перед грозой.

Она несла корзину с рыбой - бабушка научила её выбирать самую свежую, и теперь Дайо этим гордилась: -У меня глаз верный, - говорила она, и бабушка кивала, пряча улыбку.

Именно тогда она и встретила его - Хамиси, сына уважаемого торговца специями. Семья Хамиси жила в доме, который возвышался над соседними постройками, будто нарочно хотел показать: здесь живут не такие, как все. Большой, двухэтажный, из светлого камня, он выглядел чужим среди низких домов с крышами из рифлёного железа. Окна были большими, в тяжёлых рамах, а на втором этаже тянулась галерея с резными деревянными перилами - будто дом хотел

притвориться дворцом из книжки. Вокруг шёл высокий бетонный забор, а поверху была натянута колючая проволока - не просто для красоты, а чтобы сразу дать понять: сюда вход не для каждого. Ворота были массивными, железными, с коваными завитками, и даже ручка на них казалась тяжёлой, будто специально отлитой, чтобы напоминать: ты здесь гость, а не свой. И их достаток был виден во всём: в начищенных медных подносах, в шёлковых платках, в том, как уверенно держался отец Хамиси, когда к нему приходили люди договариваться о поставках.

Хамиси не был похож на отца: в нём не было этой тяжёлой уверенности. Он был лёгким, смешливым, любил стоять на краю пирса и смотреть, как волны разбиваются о камни, будто в этом шуме он слышал музыку. Когда он увидел Дайо, он не стал кричать вслед, как другие парни, не стал отпускать шутки. Он просто подождал, пока она пройдёт, а потом пошёл следом, не торопясь, будто у него впереди был весь мир.

- Ты всегда ходишь так, будто знаешь, куда ведёт каждая тропинка? - Спросил он, когда догнал её у старого фигового дерева.

Дайо остановилась, прищурилась от солнца, посмотрела на него внимательно, без страха:- Нет. Но я хожу так, будто верю, что тропинка меня не подведёт.

Он улыбнулся, и эта улыбка осталась у неё в памяти надолго - лёгкая, светлая, как первый луч утром.

Они стали встречаться тайком. Не потому, что хотели бун-

товать, а потому, что знали: мать Хамиси никогда не согласится. Для неё Дайо была «девочкой из старого дома у моря, которую растит бабушка, у которой нет приданого и чьего отца никто не помнит». Мать Хамиси хотела для сына девушку из хорошей семьи, с родословной, которую можно перечислить, как молитву, и с сундуком, полным тканей и посуды.

Но Хамиси влюбился. Он приносил Дайо цветы, которые сам собирал на рассвете, и рассказывал ей истории, которые слышал от деда про старые караваны и далёкие земли. А Дайо слушала и думала: «Вот оно, то самое счастье, которое не зависит от сундуков и родословных».

Хамиси решил познакомить её со своими родными. Дайо шла по улице, и с каждым шагом земля под ногами будто становилась твёрже, словно сама дорога не хотела пускать её дальше. Она уже знала, где живёт семья Хамиси - все в Килве знали. Но знать и стоять перед воротами - совсем разные вещи.

Когда ворота, наконец открылись, Дайо увидела двор. Он был устроен так, чтобы удивлять: посередине - аккуратный газон, который кто-то каждый день подметал и подстригал, по краям - пальмы и цветущие кусты, будто перенесённые из чужого, более богатого мира. Дорожка из плитки вела к крыльцу, и по ней важно расхаживали две курицы -не деревенские, что копаются в пыли, а какие-то нарядные, с блестящими перьями.

У крыльца стоял слуга в чистой рубашке - он не смотрел на Дайо, будто её и не было. Ещё один мужчина возился у гаража, протирая тряпкой капот старого, но блестящего автомобиля. А из дома вышла женщина в длинном платье и платке -она несла поднос с чашками и даже не повернула головы в сторону Дайо. Всё здесь было устроено так, чтобы показывать: у этих людей есть время, деньги и люди, которые делают за них любую мелочь.

Дайо поднялась по ступеням и остановилась у двери. Дверь была тяжёлой, деревянной, с металлической табличкой, на которой вычурными буквами было написано что-то на английском - она не смогла прочитать. И тут дверь распахнулась, и на пороге появилась Зури. Она улыбнулась сыну. На ней было платье из дорогой ткани, с ниткой бус на шее и золотыми серьгами. В её взгляде было столько холода, что Дайо вдруг почувствовала, как у неё похолодели пальцы.- Пришли. - Сказала Зури мать Хамиси. - Заходите. И Дайо шагнула внутрь, и сразу поняла: этот дом не просто большой - он чужой. Хамиси куда –то убежал. И Дайо осталась одна.

Внутри пахло не дымом очага и специями, как в её доме, а чем-то незнакомым: воском, духами и полиролью для мебели. Пол был выложен плиткой, холодной даже сквозь тонкую подошву сандалий. В холле стоял высокий шкаф с застеклёнными дверцами, а внутри - хрупкие чашки и тарелки, которые никто не доставал по будням. На стене висели фотографии в рамах: мужчины в костюмах, женщины в шляп-

ках, дети с серьёзными лицами.

Дальше, в гостиной, всё было устроено странно: диваны стояли так, будто на них не сидели, а показывали гостям, кресла стояли ровно, подушки лежали идеально, ни одна не сбилась. На столике -стеклянная ваза с искусственными цветами: они не вяли, не пахли и вообще казались ненастоящими. Рядом стоял радиоприёмник с блестящей панелью, а чуть поодаль - шкаф с книгами в кожаных переплётах: Дайо видела такие только в витринах.

На кухне тоже всё было не так: газовая плита вместо очага, кастрюли из блестящего металла, полки уставлены банками и коробками с надписями на английском. Дайо заметила даже электрический чайник -редкость для тех мест.

А ещё в доме было много западных вещей, которые будто старались доказать, что семья знает, как живут «настоящие» люди: фарфоровые статуэтки на полках, хрустальные бокалы, часы с маятником, которые громко тикали, напоминая, что время здесь течёт иначе.

Но среди всей этой роскоши и порядка Дайо вдруг заметила одну вещь, которая выбивалась из общей картины: в углу коридора, почти спрятанная за занавеской, стояла старая деревянная шкатулка, потемневшая от времени. На крышке был вырезан узор, похожий на волны. Она была совсем не такой, как всё остальное, - будто кто-то когда-то принёс её с берега и не смог выбросить.

Зури проследила за её взглядом и резко одёрнула занавес-

ку. - Не смотри туда, -сказала она. - Это старое. Ненужное.

В этом жесте было столько напряжения, что Дайо поняла: не всё в этом доме такое гладкое и правильное, каким хочет казаться. Вернулся Хамиси и его отец. Они долго говорили, Дайо даже не помнила о чем. А вскоре свадьбу сыграли по обычаям суахили, но с налётом достатка семьи Хамиси - так, чтобы и предки были довольны, и соседи ахнули.

За несколько дней до торжества женщины из обеих семей собрались в доме жениха. Это был ритуал: старшие женщины учили невесту, как вести себя в новом доме, какие слова говорить свекрови, как накрывать стол, как встречать гостей. Дайо слушала, кивала, старалась не поднимать глаз слишком высоко - так учили, что скромность украшает невесту. Но в её движениях всё равно чувствовалась гордость: она не стыдилась своей бедности, она знала, что принесла в этот дом не сундуки, а себя - и этого ей было достаточно.

В день свадьбы Дайо нарядили в длинное белое платье из тонкой ткани, расшитое золотой нитью, и накинули поверх него яркий платок с узорами, который бабушка Дайо сама соткала много лет назад. На руки ей надели тонкие браслеты, на шею - ожерелье из ракушек и бусин, а на лоб прикрепили маленькую подвеску, которая должна была отгонять дурной глаз.

Мужчины тем временем готовили угощение: жарили козлёнка на вертеле, варили рис с пряностями, смешивали соки из манго и папайи. В воздухе витал запах корицы, кардамона

и жареного мяса - аромат праздника, который запоминается на всю жизнь.

Церемония была простой и торжественной одновременно. Имам прочитал молитвы, отец Хамиси официально принял Дайо в семью (хотя мать молчала, поджав губы), а потом начались танцы. Женщины хлопали в ладоши, отбивая ритм, мужчины кружились в танце, который рассказывал историю их предков, а дети бегали вокруг, смеялись и ловили кусочки сладостей, которые бросали в толпу.

Дайо танцевала вместе со всеми, и в этот момент она казалась самой счастливой девушкой на свете. Но в углу, где сидели старшие женщины, мать Хамиси сидела неподвижно, как статуя, и её молчание было громче любого крика. Её взгляд полон ненависти и ярости, она теребила в руках платок , от которого уже ничего не осталось.

*****

Десять месяцев спустя

Когда у Дайо родился мальчик, весь дом наполнился криками радости - первые крики младенца всегда звучат как обещание счастья. Но стоило повитухе развернуть пелёнку, как в комнате повисла тишина.

Мальчик был светлым. Не просто светлокожим - его кожа была почти молочной, а глаза - ярко-голубыми, как небо над морем в ясный день. Он выглядел так, будто в его жилах текла кровь людей, которые никогда не видели этого берега.

Сначала никто не сказал ни слова. Все смотрели, будто

ждали, что пелёнка развернётся заново и всё окажется ошибкой. Но ошибка не случилась.

На следующий день слухи разлетелись по Килве быстрее, чем чайки над волнами. Женщины шептались у, мужчины хмуро переглядывались, а мать Хамиси впервые за долгое время заговорила громко:

- Это не наш ребёнок, - сказала она, глядя на Дайо так, будто видела перед собой не невестку, а призрак. - Это не кровь нашего рода.

Для семьи это стало позором. В те времена, если у темнокожей женщины рождался явно светлокожий ребёнок, подозрения падали на неё мгновенно. Считалось, что это знак неверности, и общество реагировало жёстко.

В случае Дайо всё началось с малого: с косых взглядов, с того, как женщины отворачивались. Потом пошли слова: «Откуда в ней эта кровь?», «Она водила нас за нос», «Это позор для всего рода».

Мать Хамиси потребовала, чтобы Дайо проверили у старейшин деревни. Это не был суд в современном понимании, но собрание уважаемых людей, перед которыми женщина должна была стоять и отвечать на вопросы, которые резали, как ножи.

Хамиси отчаянно пытался защитить её. Его крики о любви, о том, что ребёнок – его сын, о полном неверии в сплетни, тонули в хоре осуждающих голосов. Голосов тех, кто считал себя вправе диктовать, как правильно и как принято.

А бабушка, склонившись к ней, прошептала: -В их семье секретов – как грязи. Девочка моя, я верю тебе. Но эта семья лжёт тебе. Они знают, почему твой ребёнок с такой кожей

А Дайо стояла прямо. Она не оправдывалась, не плакала, не умоляла. Она просто смотрела на всех так, будто знала что-то, чего не знали они.- Я любила только твоего сына, - сказала она свекрови прямо, без дрожи в голосе. - Если ты хочешь проклятий - проклинай меня. Но не проклинай ребёнка. Он ни в чём не виноват.

Свекровь замолчала. Не потому, что поверила, а потому, что в этих словах была такая сила, что даже злость не могла её перекричать.

Женщину затрясло от злости и уже не сдерживаясь, она заорала в лицо Дайо - Если бы я знала что ты родишь ребенка, который похож на неё, я бы убила бы тебя сразу!

- О чем ты говоришь мама?- Голос Хамиси прорезал воздух.

Женщина замолчала, понимая, что проговорилась и отступила в комнату.

- Я долго ..молчала..- Раздался старческий голос – и из комнаты с трудом вышла старуха, бабушка Хамиси- Тебе .. не передали..

- Замолчи старуха.- Заорала Зури.

- Как ты смеешь так разговаривать с моей матерью!- Взорвался отец Хамиси, Бадру ещё крепкий, высокий мужчина.- Что Вы хотели сказать мама?

Старуха оперлась на палку и выпрямилась.- Нашим женщинам передавался сундук, в котором есть на все вопросы на ответы. Где он Зури?

- Какой сундук, никакого сундука не видела.- Зашипела она.

- Если бы я точно также поступила с тобой ты здесь бы не стояла.- Усмехнулась старуха.- Принеси мне его! Немедленно! – Крикнула она так , что женщина вздрогнула и бросилась в глубь дома. Через минут десять она вернулась с небольшим сундучком и со злостью сунула его в руки Дайо.

- Теперь это твой девочка. Проходи ко мне, я все расскажу тебе !

Она пропустила в комнату, в которую без спросу нельзя было войти девушку. Дверь за Дайо и старухой Лератой захлопнулась с глухим, тяжёлым стуком - будто отрезала одну жизнь и начала другую. В комнате пахло старым кедром, ладаном и пылью, которая лежала здесь годами, не тревожимая ни ветром, ни чужими шагами. Это была запретная комната: сюда не входили без зова, здесь хранили то, что не доверяли даже стенам двора.

Лерата опустилась на низкую скамью, оперлась на палку, будто ей нужно было не столько держаться, сколько напомнить себе: она всё ещё хозяйка этого дома, даже если годы согнули её спину.

- Садись, - сказала она, не глядя на Дайо, а будто разговаривая с тенью прошлого. - Ты стоишь, как та, кто ждёт удара.

А я не собираюсь бить. Я собираюсь отдать то, что должна была отдать.

Дайо села на край скамьи, пальцы её дрожали, но она сжала их в кулаки, чтобы старуха не увидела.

- Ты думаешь, это проклятие, - тихо сказала Лерата, наконец, поднимая глаза. - Думаешь, твой сын родился таким, чтобы наказать тебя. Но проклятия не рождают детей. Их рождают люди. И море. И старые истории, которые мы прячем, будто они стыдные.

Она кивнула на сундучок, который Зури сунула Дайо с такой злостью, будто это был камень, а не дерево с медными уголками.

- В нём нет золота. В нём нет ничего, что можно продать. Но в нём есть правда, которую мы передавали женщинам нашего рода. Не всем. Только тем, кому хватало силы её держать.

Старуха открыла сундучок - скрип петель прозвучал в тишине, как голос давно забытого человека. Внутри лежали не драгоценности, а вещи, говорившие без слов: пожелтевший лоскут ткани с выцветшей вышивкой, маленькая серебряная подвеска в форме волны, несколько писем, перевязанных грубой нитью, и тонкий кожаный мешочек, в котором что-то тихо звякнуло, темная лента.

- Смотри, - сказала Лерата и достала одно письмо, развернула его осторожно, будто оно могло рассыпаться в пыль. - Она была дочерью рыбака и женщины, которую привезли с

другого берега. Никто не знал, откуда она родом, только что у неё были светлые волосы и глаза, как у твоего сына. Говорили, что она ведьма. А она просто была чужой. Но она научила всех нас одной вещи: кровь помнит дальше, чем память людей.

Дайо смотрела на строчки, написанные чужой рукой, и вдруг поняла: она не знает что там написано.

- В нашем роду уже не в первый раз рождается светлый ребёнок, - продолжала Лерата, она закрыла глаза и привалилась к спинке кресла, тяжело вздохнула, неожиданно Дайо увидела, как из глаз старушки потекли слёзы, хотя голос был спокоен. - И каждый раз это становилось позором. Потому что проще назвать это грехом, чем признать: мы - берег, куда море приносит разные семена. И из них вырастают разные деревья.

Она положила руку на плечо Дайо - лёгкая, сухая, но твёрдая, как ветка, которая гнётся, но не ломается.

- Зури кричала, потому что ей было страшно. Страшно признать, что то, что она считала своим, на самом деле принадлежит морю. Она хотела, чтобы мир был простым: свой - чужой, чистый - грязный. Но мир не такой. Он сложный. И твой сын - не ошибка. Он продолжение.

Дайо слушала, и с каждым словом тяжесть, которая давила ей на грудь с того самого дня, когда повитуха развернула пелёнку, становилась чуть легче. Не исчезала - но становилась терпимой.

- Почему Вы не рассказали раньше?- Прошептала она.

- Потому что боялась, - просто ответила Лерата. - Боялась, что правда разобьёт семью. Но теперь я вижу: неправда бьёт сильнее. Возьми это. И знай: ты не одна. Ты - часть длинной цепи. И твоя задача не оправдываться, а просто быть. И дать сыну знать, что он имеет право стоять на этом берегу. А теперь слушай!

****

1748 год. Дача под Петербургом

Дача под Петербургом - не уютный дом, а громоздкое каменное строение с высокими потолками, которые будто специально сделаны, чтобы в них гулял холод даже в июле. Половицы скрипели под каждым шагом, а из щелей тянуло сыростью: казалось, этот дом не столько жил, сколько терпел людей, как терпели его и они - из вежливости к родне и из-за того, что дальше ехать было некуда.

Сергею - восемнадцать. Он уже не мальчик, но ещё и не взрослый: в нём кипит всё то, что в его кругу принято называть «молодой удалью» - дерзость, желание испытать судьбу, привычка спорить с каждым, кто смеет поучать. Он не ангел в плоти: вчера опять вернулся под утро, пропахнув дымом и вином, и камердинер только вздыхал, снимая с него камзол. В глазах у него - то скука, то азарт, и кажется, что ему тесно в этом доме, в этих правилах, в этой размеренной жизни, где каждый шаг заранее оговорён.

А Наташа - совсем другая. Она бегает босиком по тра-

ве, собирает полевые цветы и прячет их в рукава, смеётся над собственной неловкостью и снова бежит. Для Сергея она - будто кусочек дикой, настоящей жизни, не приглаженной этикетом и не припорошенной светской вежливостью. Потому он и зовёт её ласково, но с усмешкой: - Ну, иди сюда, моя маленькая дикарка. В этом прозвище - и нежность, и подтрунивание, и признание: она не такая, как положено, быть благовоспитанной барышне.

Однажды Сергей собирался в лес - не на охоту, а просто, чтобы уйти от всех, чтобы никто не читал ему нотаций и не напоминал про долг и честь. Он шёл через сад, хмурый, с расстёгнутом камзолом, и вдруг услышал звонкий голос: - Дядюшка Серёжа, подожди! Я с тобой!

Он обернулся. Наташа бежала по дорожке, косы растрепаны, а в руке она сжимала какой-то пучок травы.

- Куда тебе, - буркнул он, стараясь казаться строгим. - Там комары да коряги. Ещё ногу подвернёшь.

-А я не подверну! - она остановилась перед ним, запыхавшись, и подняла на него глаза. - Ты же будешь рядом. Ты же сильный. Ты любого комара прогонишь.

Сергей фыркнул, но уголки губ сами собой дрогнули.- Ладно, - сказал он, уже мягче. - Только не отставай. И не визжи, если увидишь ежа.

Она просияла и тут же вцепилась в его рукав, будто боялась, что он передумает.

Они шли по тропинке, и Наташа болтала без умолку: про

белку, которая «прыгает, как акробат», про муравьёв, которые «строят город», про то, что небо сегодня «синее, как чашка у бабушки». Сергей сперва только кивал, думая о своём, но постепенно её слова начали смывать с него ту тяжесть, что копилась от разговоров взрослых, от упрёков, от собственных ошибок.

Вдруг Наташа остановилась, наклонилась и сорвала ромашку. -Держи, - протянула ему. - Она счастливая.

-Мне-то зачем? - хмыкнул он. - Я не в куклы играю.

- А чтобы не грустить, - просто сказала она. - Мама говорит, от цветов на душе светлее.

Он хотел отмахнуться, но увидел, как она ждёт, чуть прикусив губу, и взял ромашку. Повертел в пальцах, потом сунул в петлицу камзола. -Ну, пусть будет, - буркнул. - Только никому не говори, что я с цветами хожу. А то засмеют.

Наташа хихикнула, но тут же притворилась серьёзной: - Не скажу. Это наш секрет.

И в этом её «наш секрет» было столько тепла, что Сергей вдруг почувствовал, как внутри что-то отпускает. Он не стал рассказывать ей про свои беды -да и не умел, пожалуй. Но рядом с ней не хотелось злиться на весь мир. Рядом с ней хотелось просто идти по тропинке и слушать, как она болтает про муравьиный город.

А потом был вечер, когда Сергей снова был на грани того, чтобы сорваться. Приехал дядя из Польши, начал читать нотации, вспоминать про «честь фамилии» и «пример для

младших», и в Сергее вскипело всё раздражение, копившееся неделями. Он уже готов был ответить резко, что его родственник то же не ангел, даже грубо, хлопнуть дверью и уйти, куда глаза глядят.

И тут в комнату вбежала Наташа. Не по правилам, не постучав, а просто потому, что ей хотелось показать дяде новую куклу, которую ей сшила горничная. Она остановилась на пороге, увидела, что все смотрят на неё, и смутилась, прижав куклу к груди.

Дядя хотел уже строго сказать ей, что не время, но Сергей вдруг опередил его:

- Пускай, - голос его прозвучал неожиданно твёрдо. - Пусть покажет. Я эту куклу ещё с утра видел. У неё бант кривой, но Наташа говорит, что так даже лучше.

Наташа подняла глаза на него, будто спрашивая: «Правда можно?»

- Можно, - кивнул он, и в этом кивке было больше, чем разрешение. В нём было: «Я тебя защищаю».

Она робко подошла и протянула куклу дяде. Тот, уже смягчившись, взял её, улыбнулся: -И правда, с характером кукла. Ну-ка, расскажи, как её зовут.

И Наташа заговорила, сначала тихо, потом всё увереннее, и напряжение в комнате рассеялось, как утренний туман.

Когда дядя ушёл, Сергей остался стоять у окна, глядя, как Наташа кружится по комнате, прижимая куклу.

-Спасибо, - тихо сказала она, будто поняла, что он сделал.

- Ты не дал ему меня ругать.

- Да никто и не собирался, - пробормотал он, отводя взгляд. - Просто… просто не люблю, когда кричат на маленьких.

Она подошла и обняла его за ногу, крепко, по-детски, и он положил руку ей на голову, чувствуя, как под пальцами путаются мягкие пряди.

В тот момент он понял: Наташа останавливает его не криком и не упрёками. Она останавливает его вот этим простым, искренним движением, этим доверием, которое он не имеет права предать. Она не тянет его из болота громкими словами - она просто показывает ему, что есть что-то чистое и настоящее, ради чего стоит удержаться от глупостей.

С тех пор, когда в нём снова поднималась эта злая волна - желание спорить, уходить, делать назло, -он невольно искал глазами Наташу. Если она была рядом, он сдерживался. Если она смеялась, он улыбался, даже не замечая этого. Если она просила: «Расскажи про лес», он рассказывал, и в этих рассказах сам начинал видеть мир чуть светлее.

«Моя маленькая дикарка» - и в этом прозвище теперь звучало не только подтрунивание. В нём была нежность и тихая благодарность: за то, что она, сама того не ведая, не давала ему окончательно потеряться в собственной дерзости.

*****

Два года назад

На даче.

Сергей шёл на кухню, и живот сводило от голода. Он почти не замечал ничего вокруг - только эту тягучую, злую пустоту внутри, которую не заглушали ни ветер, ни скрип ступеней, ни далёкие голоса в комнатах. В голове крутились обрывки мыслей: отец его отправил на дачу, что бы он поостыл, как сам он выразился.

Ещё с вечера он ушёл к реке, бродил вдоль берега, смотрел, как лед играет на солнце и подглядывал за дворовыми девушками. Одна из них, смешливая, с тёмными косами, всё время оборачивалась, будто чувствовала его взгляд. Он присмотрел её не из нежности, а чтобы хоть чем-то заполнить вечер, чтобы не думать о том, что ждёт его в Петербурге. Но даже это не помогло: скука была такой густой, что её можно было резать ножом.

А теперь он услышал плач. Тихий, но такой пронзительный, что пробился сквозь все его старания ни о чём не думать. Сергей поморщился, будто звук царапнул его по ушам, и, не замедляя шага, толкнул дверь в кухню.

Там пахло печным дымом, подгоревшей кашей и старым деревом. Полутьма лежала на углах, пряча лишнее, оставляя только самое необходимое: печь, стол, лавки, сундук у стены. И под столом, прижавшись к ножкам, сидела Наташа, дочка сестры. Ей было три года, и в этой темноте она казалась совсем крошечной, будто её можно было спрятать в карман. Она плакала, обхватив себя руками, будто пыталась удержать в себе хоть немного тепла, хоть каплю уверенности,

что всё будет хорошо.

Сергей замер на пороге. Ему хотелось развернуться и уйти, сделать вид, что он ничего не видел. Ему было наплевать на всех и вся - он сам себя едва выносил, не то, что чужие слёзы. Но что-то в этой картине ударило в самое сердце: в том, как ребёнок сжался, как дрожали её плечи, как она пыталась быть тихой, будто даже её плач был чем-то стыдным.

И вдруг он вспомнил себя. Точно так же, в похожей полутьме, он когда-то сидел под столом и ждал, когда взрослые, наконец, вспомнят, что он есть. Никто не подходил, никто не спрашивал, почему он там, никто не гладил по голове. Просто жили рядом, будто его и не было.

Он шагнул вперёд, неловко, будто боялся спугнуть её резким движением, и присел на корточки рядом с краем стола. -Эй, - тихо сказал он, стараясь, чтобы голос не звучал грубо. - Чего ты тут сидишь?

Наташа подняла на него заплаканное лицо. Глаза у неё были огромные, тёмные, в них ещё дрожали слёзы, но уже мелькало любопытство - кто этот дядя, который не прошёл мимо?

- Я… я хотела к маме, - прошептала она, шмыгнув носом.- А мама кричит. И папа кричит.

Сергей стиснул зубы. Сестра и её муж опять ссорились - он слышал их голоса ещё из коридора, но старался не слушать, будто если не слышать, то это не его дело. А теперь оказалось, что это дело касается вот этого маленького существа, которое сидит под столом и боится громких голосов.-

Ну, - он неловко протянул руку, но не стал трогать её, чтобы не напугать. - Давай я тебе… ну, хлеба дам. Или варенья. Тут всегда где-то есть варенье.

Наташа чуть подвинулась, всё ещё не выпуская себя из объятий, но, уже не так сильно прячась.-С малиной, - тихо сказала она. - Мама говорит, оно от грусти помогает.

Сергей криво улыбнулся. В его жизни от грусти не помогало ни варенье, ни вино, ни даже самые громкие кутежи. Но для трёхлетней девочки, наверное, и, правда, могло помочь.

Он встал, подошёл к полке, нашарил банку с вареньем, нашёл кусок хлеба, который ещё не успел зачерстветь, и вернулся, сел прямо на пол, прислонившись спиной к ножке стола. Поставил перед Наташей хлеб с ложкой варенья и сказал: -Держи. И не прячься. Тут и так темно, нечего ещё под стол лезть.

Она осторожно взяла хлеб, откусила и посмотрела на него так, будто он сделал что-то необыкновенное.

- Ты не будешь кричать? - Спросила она.

- Не буду, - пообещал он. - Я вообще не люблю кричать. Просто… просто иногда все вокруг кричат, и кажется, что иначе нельзя.

Наташа кивнула, будто поняла. И в этом её тихом кивке было столько доверия, что Сергею вдруг стало стыдно за все свои мысли о том, чтобы сбежать и ни о ком не думать.

Они ели в тишине, нарушаемой только далёкими голосами в доме. И пока Наташа доедала хлеб, Сергей смотрел на

неё и думал, что, может быть, не обязательно бежать куда-то далеко, чтобы найти что-то настоящее. Может, оно вот здесь - в тихом уголке кухни, в ложке варенья и в глазах ребёнка, который просто хочет, чтобы рядом был кто-то, кто не кричит.

******

Она появлялась там, где ему хотелось быть одному. Приносила ему кусок пирога, который сама выбирала, потому что «с изюмом вкуснее». Садилась рядом на крыльцо, болтала ногами и рассказывала про курицу, которая «ходит важно», и смеялась - так звонко, что даже его тяжёлая тишина не могла это заглушить.

И он не прогонял её. Сначала терпел, потом ждал, потом сам искал её взглядом по дому.

Однажды, когда воздух уже пах травой и дождём, а солнце грело так, будто хотело наверстать всю зиму, Сергей взял её с собой на конюшню. Наташа смотрела на лошадей снизу вверх, приоткрыв рот, и пальцы у неё подрагивали от желания потрогать гриву, но она боялась.

- Не бойся, - буркнул Сергей, хотя сам не знал, кого больше уговаривал - её или себя. - Эта смирная. Её зовут Зорька. Хочешь, я тебя посажу?

Она кивнула так быстро, что бантик на косе подпрыгнул. Он поднял её, усадил впереди себя, крепко обхватил, чтобы не соскользнула, и пустил Зорьку шагом по лугу. Ветер трепал Наташины волосы, она хохотала, запрокидывая голову, и

в этом смехе было столько свободы, что у Сергея на миг перехватывало дыхание - будто он сам впервые за долгое время смог глубоко вдохнуть.

Потом он пустил лошадь рысью, и Наташа вцепилась в его руку, но не от страха, а от восторга:

- Ещё! Ещё!

Первая гроза в тот год пришла внезапно. Только что было солнечно, и вдруг небо потемнело, как будто кто-то накинул на мир тяжёлое одеяло. Раскат грома ударил так, что у Наташи задрожали губы. Она вбежала в комнату, где Сергей сидел у окна и смотрел на дождь, будто пытался разгадать в нём какой-то секрет.

- Дядюшка!- Крикнула она, и голос её сорвался.

Он даже не успел подумать - просто распахнул полы своего халата, притянул её к себе, завернул, как в кокон, прижал к груди.

- Тихо, тихо, - шептал он, сам не зная, кого успокаивает. - Это просто небо шумит. Оно не тронет. Я не дам.

Наташа уткнулась носом в ткань, и перестала дрожать. А он стоял, не шевелясь, будто боялся, что если пошевелится, то гроза ворвётся и заберёт её. И в тот момент он вдруг понял: есть что-то, ради чего стоит стоять неподвижно.

В тот май, когда матери снова не было дела до дочери, а нянька уснула после выпитой самогонки, Наташа прибежала к нему. Не в гостиную, а прямо туда, где он сидел в полутёмной библиотеке, листал книгу и притворялся, что чита-

ет. Она влетела, как вихрь, босиком, в сбившемся платьице, глаза огромные, полные слёз.

-Я одна! - выдохнула она, и это слово ударило его сильнее любого упрёка. - Они все ушли, а я не знала, куда…

Он отложил книгу, встал, присел перед ней на корточки.

- Ты больше не одна, -сказал он твёрдо, будто давал клятву. -Ты ко мне беги. Всегда. Даже если я ворчу. Даже если мне кажется, что я ни на что не годен. Беги.

Она бросилась к нему, обхватила за шею, и он обнял её крепко, до хруста, будто хотел передать ей всю свою силу, всю свою защиту, всё, чего ей не хватало.

****

А потом пришёл тот день, когда он напуганный прибежал к Варваре, но когда он подходил к двери, уже за ней стояли солдаты и отец приказал забрать его. Он мельком увидел Наташу в своем голубом платьице, она бежала к нему, раскинув руки, и кричала, не обращая внимания ни на что.

Дверца кареты захлопнулась, колёса заскрипели, и карета поехала, увозя его всё дальше, На каторгу первое письмо пришло через много недель. Сергей не ждал ничего - ни вестей, ни прощения, ни жалости. Но когда ему передали серый, неровно сложенный листок, он замер, будто в нём было что-то опасное.

Письмо было написано крупными, неуверенными буквами, кое-где кляксы, кое-где строчки сползали вниз, будто перо не слушалось маленькой руки.

«Любезный дядюшка Серёжа! Я написало это письмо сама, я учусь. И каждый день я выхожу к забору, вглядываясь в дорогу, не покажется ли карета, но всё тщетно. Тётушка говорит, что Вы пребываете в дальних краях, однако сердце моё не перестаёт Вас ждать.

У нас в доме появилась новая кошка, серая, словно осенний дождь. Я нарекла её Зорькой, в память о той лошадке. Когда она дремлет на подоконнике и мурлычет, мне становится много спокойнее и не так страшно в пустом доме.

Когда же Вы вернётесь, я непременно прочту Вам вслух, дабы Вы могли оценить моё усердие. И, быть может, мы вновь совершим прогулку верхом? Книгу же, Вами подаренную, мне прочла Варвара; я слушала её с великим трепетом. Сочинение о приключениях Робинзона Крузо, моряка из Йорка, коего судьба столь жестоко испытала на необитаемом острове, на англицком языке.

Прошу Вас, не предавайтесь печали. Я, верно, Вас жду.

Ваша племянница Наташа».

Сергей читал и перечитывал эти строки, пока бумага не стала мягкой от его пальцев. Это письмо он спрятал у сердца, под рубаху.

****

1751- 1756 год, Российская Империя, Санкт-Петербург.

Дом генерала Колесникова

На дворе стоял тысяча семьсот пятьдесят первый год. Столица империи жила тяжелым, пышным и холодным дыхани-

ем зимы, пробивавшейся сквозь щели старых петербургских особняков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.